

ОФИЦЕРЫ РОССИЙСКОГО ГЕНШТАБА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 гг.

Автор: О. А. ГОКОВ

Гокв Олег Александрович - кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального педагогического университета. Украина.

Российское военное командование уже с осени 1876 г. стало готовиться к войне с Турцией. В помощь военному агенту в Константинополь в октябре был послан полковник Генерального штаба (ГШ) В. Г. Золотарев. Были начаты переговоры с Румынией о предоставлении российской армии свободного прохода через территорию княжества и об участии его в войне. Для переговоров в Бухарест был направлен А. И. Нелидов, а в помощь ему от Военного министерства - полковник ГШ князь М. А. Кантакузин, занимавшийся обсуждением вопросов, касавшихся военной части конвенции¹. В октябре по просьбе президента Совета министров Румынии князя Братиану, для оказания помощи румынской армии в подготовке к войне в Бухарест прибыл Золотарев². Поскольку в румынском правительстве были противники вступления княжества в войну, переговоры затянулись. Лишь в декабре 1876 г. конвенция была согласована в общих чертах. В качестве военнополномоченного при румынском князе начальником сформированного в ноябре полевого штаба Действующей армии в Бухарест был послан полковник ГШ Г. И. Бобриков. Он прибыл в Бухарест в декабре с целью обеспечения продвижения российской армии по территории княжества³. В частности, в его обязанности входило: сбор сведений о возможностях обеспечения войск продовольствием, фуражом, постоем; выбор пути прохождения отрядов, а также ведение переговоров с князем Карлом и Братиану о подписании конвенции, разрешающей российской армии проход через Румынию, и о вступлении Румынии в войну с Турцией. Непосредственно организацией перевозки российских войск через Румынию по железным дорогам занимался князь М. А. Кантакузин⁴. Однако все старания российских офицеров ГШ натолкнулись, с одной стороны, на осторожность румынских правителей, не решавшихся открыто выступить против Турции, а с другой - на крайне слабую организацию обеспечения войск при штабе Действующей армии. Ненужная секретность, некомпетентность многих высоких штабных чинов в дальнейшем привели к неразберихе при выборе путей следования отдельных частей к Дунаю.

Переговоры велись и с сербским правительством. У него были колебания по поводу вступления страны в войну. В ноябре секретарь российского посольства в Белграде Н. Н. Ладыженский послал в Военное министерство секретное донесение с заключением военного агента в Константинополе полковника ГШ А. С. Зеленого, находившегося в то время в Сербии в составе демаркационной комиссии, о тяжелом положении сербской армии: "С начала перемирия доньше ничего не сделано для ее реорганизации. Беспорядок и анархия полные. Если немедленно не будут даны деньги из России и тотчас же преступлено к реорганизации, то в случае возобновления военных действий после перемирия, Сербия может выставить армию не более 10 тысяч. Задача ее - оборонять Белград в течение 2 - 3-х недель до прибытия русских войск". 16 ноября в Царском Селе состоялось совещание, которое

помочь Сербии субсидией в 1 млн. рублей на реорганизацию армии и послать туда российских офицеров⁵.

В ноябре 1876 г. в Белград была командирована группа офицеров для оказания сербскому правительству помощи в формировании вооруженных сил. Возглавил ее генерал-лейтенант ГШ А. П. Никитин. В его распоряжении находились полковники ГШ А. А. Шепелев, Д. П. Дохтуров, подполковник ГШ Кононович-Горбацкий. Основная задача миссии заключалась в том, чтобы, изучив на месте состояние сербской армии, составить план реорганизации, а затем с согласия сербского Военного министерства провести его в жизнь. В задачу Никитина входил также "разбор и упорядочение положения" российских добровольцев в Сербии, оставшихся без дела после заключения перемирия. Ознакомившись на месте с положением дел, Никитин признал необходимым эвакуацию добровольцев в Россию через Румынию отдельными партиями, что и было осуществлено в течение зимы 1876/77 года⁶. Что касается основной задачи миссии, то Никитин пришел к выводу о невозможности задуманной реорганизации сербской армии, поскольку война в Сербии была непопулярна, и сербское правительство не желало ее продолжения. Он сообщал в Главный штаб: "Бывшая мобилизация показала, что Сербия не хочет войны... Правительство, видимо, желает только воспользоваться субсидиею для очистки старых долгов... противодействует всем начинаниям организации, приказание князя не исполняются"⁷. В конце декабря Никитин был отозван из Белграда.

В ноябре 1876 г. был сформирован полевой штаб Действующей армии. По желанию Главнокомандующего начальником штаба был назначен генерал-адъютант, долгое время служивший по ГШ, А. А. Непокойчицкий. Не блиставший военными способностями, он занимал свой пост до конца кампании и оставался при этом во многом нейтральным ко всему происходившему в штабе. Ставленником великого князя Николая Николаевича был и помощник начальника штаба - К. В. Левицкий - генерал-майор ГШ. В своих воспоминаниях служившие под его началом офицеры ГШ единодушно отрицательно оценивают его деятельность, не способного принять верное решение или перепоручавшего его другим. Как писал в своих воспоминаниях П. Д. Паренсов, Казимир Левицкий, по мнению офицеров ГШ, находившихся при штабе Действующей армии, пользовался общим их нерасположением⁸.

Что касается офицеров ГШ при штабе Действующей армии, то среди них было немало тех, кто пытался использовать любую возможность, чтобы принять непосредственное участие в ходе кампании. Среди них наиболее яркой представляется фигура полковника ГШ Д. С. Нагловского, состоявшего при начальнике штаба и бывшего начальником штаба Передового отряда. Ему принадлежала выдающаяся роль в планировании и организации обоих Забалканских походов И. В. Гурко. За отличия в войне 1877 - 1878 гг. Нагловский был произведен в генерал-майоры ГШ, награжден орденами и золотым оружием⁹.

Следует отметить и деятельность при штабе Действующей армии полковника ГШ М.

А. Газенкампа. Состоя в течение всей войны при Главнокомандующем, он вел журнал боевых действий, составлял срочные донесения императору, участвовал в обсуждении планов военных операций, расшифровывал донесения военных агентов России в европейских странах, поступавшие в штаб¹⁰. Кроме того основной его задачей было заведование военными корреспондентами при Действующей армии. В числе последних были и офицеры ГШ, непосредственно принимавшие участие в боях. Полковник ГШ А. К. Пузыревский, занимая должности офицера ГШ или начальника штаба в различных подразделениях, прошел всю войну, одновременно являясь корреспондентом "Русского инвалида" и "Военного сборника", куда посылал письма с театра боевых действий¹¹. В "Русский инвалид" посылали свою корреспонденцию также полковник ГШ барон Н. В. Каульбарс и капитан ГШ А. Н. Куропаткин.

Важнейшей задачей была разведка театра боевых действий и дислокации турецких войск. Для ее решения еще осенью 1876 г. в Румынию были командированы полковники ГШ, а затем Г. И. Бобриков и П. Д. Паренсов. Паренсов получил от Непокойчицкого задание собрать в Болгарии сведения о турках и об укреплениях Руцука¹². Прибыв в Румынию под вымышленным именем, он при помощи русского консульства связался с болгарскими жителями, проживавшими там. Через них удалось наладить довольно обширную разведывательную сеть за Дунаем и снабжать штаб необходимой информацией. Однако, несмотря на самоотверженность Паренсова, его старания часто оставались напрасными из-за халатности Левицкого, которому полковник направлял свои донесения.

Первые успехи российской армии в войне были во многом связаны с деятельностью Паренсова и Бобрикова, прежде всего по организации агентурной разведки в Болгарии¹³.

стр. 143

Для организации разведки при штабе имелась должность штаб-офицера над вожатыми. По положению о Действующей армии последний "заведывает собиранием сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля, распоряжается доставлением армии надежных проводников и лазутчиков, составляет общие своды из их показаний, проверяет показания пленных ... Он заботится об отыскании для армии проводников из местных жителей и распределяет их по частям войск"¹⁴. На эту должность был назначен полковник ГШ Н. Д. Артамонов. К нему перешло общее руководство разведкой с началом войны. Занимая должность штаб-офицера над колонновожатыми штаба Действующей армии, он координировал деятельность разведки и осуществлял подбор переводчиков и проводников для частей армии. Следуя рекомендациям Паренсова и Бобрикова, которые вместе с Артамоновым являлись главными организаторами разведки российской армии, 27 апреля 1877 г. Непокойчицкий своим приказом рекомендовал назначать проводников и переводчиков из болгар. Желавший получить место проводника или переводчика должен был иметь рекомендацию от Паренсова, Бобрикова или Артамонова¹⁵. Они пользовались при подборе содействием болгарских агентов, завербованных еще до войны, чтобы избежать проникновения в российскую армию турецких лазутчиков. На местах организация разведки

возлагалась на офицеров ГШ.

В отдел штаб-офицера над вожатыми поступала информация из посольства в Константинополе, от консулов, из Главного штаба, от Паренсова и Бобрикова и других лиц, командированных для ведения разведки в Румынию и Болгарию. Наиболее надежными являлись консульские донесения, поскольку штаб получал их через 10-15 дней. В январе 1877 г. Артамонов составил отчетную таблицу о турецких войсках, на основании которой сделал вывод, что Турция выставила в эту войну регулярных войск больше, чем в предыдущие. Артамонов отметил, что если российское командование хочет быстро достичь Константинополя, то предполагавшихся четырех корпусов будет недостаточно. Его замечания были учтены, и в апреле на театр боевых действий из России прибыли еще три корпуса. На основании донесений консулов и военного агента в Константинополе полковника ГШ А. С. Зеленого в марте 1877 г. им совместно с полковником ГШ А. А. Боголюбовым была составлена подробная ведомость о расположении и численности турецких войск¹⁶. Составленная на ее основе таблица о турецких силах была разослана в войска в апреле 1877 года.

Однако с началом военных действий достоверную информацию получать стало труднее, поскольку все российские консулы были высланы из Турции. Поэтому самым надежным средством добывания информации о противнике стали болгары. Налаженная Паренсовым и Бобриковым разведывательная сеть помогла российской армии во время ее наступления в Болгарии¹⁷.

Еще до начала войны Военно-ученым комитетом Главного штаба были подготовлены языковые пособия: "Болгарский собеседник" и "Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский". Они были составлены полковниками ГШ А. С. Зеленым и Боголюбовым, майором М. А. Терентьевым под руководством генерал-майора ГШ С. П. Зыкова и должны были облегчать общение российских солдат с местным населением¹⁸.

Непосредственное начало разработке плана войны было положено еще в марте 1876 г., когда полковник ГШ Артамонов прочел для офицеров Петербургского военного округа несколько лекций на тему "О наивыгоднейшем в стратегическом отношении способе действий против турок"¹⁹. А в мае им была представлена в Главный штаб "Записка о планах ведения войны"²⁰. Артамонов считал, что на Константинополь лучше всего наступать через труднодоступные части Балкан, поскольку только так можно было избежать затяжной войны.

Основную роль в планировании войны на Европейском театре играл генерал-майор ГШ Н. Н. Обручев. Им был разработан план будущей войны, первые соображения о котором он доложил Александру II осенью 1876 года²¹. В дальнейшем план этот корректировался Обручевым в зависимости от политической ситуации, но при этом его главное положение, - быстрота наступления, - сохранялось, чтобы успехам российских войск не могли помешать интриги других великих держав (Великобритании, Австро-Венгрии, Германии и Франции). Обручев долгое время занимался планированием боевых действий на Кавказе, и лишь в ноябре 1877 г. был вызван на Балканский театр. Его предполагали назначить начальником формируемого Западного отряда, но назначению вновь помешало нежелание Главнокомандующего видеть Обручева во главе российских войск. В результате, он

до конца войны не занимал официальных должностей, оставаясь неофициальным военным советником (им был разработан план перехода российских войск через Балканы зимой 1877-1878 гг.)²².

стр. 144

Что касается разработки плана войны с Турцией на Кавказском театре, то еще в 1871 г. по указу Д. А. Милютина его разработка была поручена помощнику начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майору ГШ СМ. Духовскому. Он составил "Соображения об обороне Кавказа" и в июле 1872 г. подал их на рассмотрение кавказскому наместнику. В основном, его план сводился к оборонительной тактике в случае войны. Наместник одобрил этот план и передал его для обсуждения в Военно-ученый комитет Главного штаба²³. В 1876 г. на основе предложений Духовского Обручев разработал план ведения войны на Кавказском театре.

В начале 1877 г. дипломатическая и военная подготовка к войне была в основном завершена. В апреле была подписана российско-румынская конвенция о пропуске российских войск через территорию княжества и о вступлении Румынии в войну. Она была объявлена 12 апреля 1877 года.

В ходе войны в составе штабов дивизий, корпусов, отдельных соединений офицеры ГШ занимали должности начальников штабов, их заместителей и офицеров для поручений. В сферу их обязанностей входило: ведение переписки (шифровка, расшифровка, доставка донесений) со штабом Действующей армии, непосредственное планирование боевых действий, проведение рекогносцировок. Они заключались в определении сил противника, их расположения, численности, укреплений, разведки местности и осуществлялись либо небольшими отрядами, либо целыми подразделениями (разведка боем). Во время боя офицеры ГШ часто использовали в качестве связных. Они возглавляли отдельные отряды, принимая непосредственное участие в военных действиях. Недостатки в организации разведки отдельных отрядов (например, пренебрежение возможностями использовать болгар в качестве источника информации) во многом зависели от личных качеств того или иного офицера. Однако в большинстве своем офицеры ГШ низшего звена справлялись со своими обязанностями. В ходе войны выдвинулась целая плеяда генштабистов, руководствовавшаяся в своих действиях не застывшими догмами военной науки, а последними достижениями военного искусства. Это - полковники А. В. и Н. В. Каульбарсы, подполковник М. Э. Куммерау, капитан А. Н. Куропаткин, полковник П. Д. Паренсов, генерал-майор М. Д. Скобелев и многие другие.

В качестве примера деятельности офицеров ГШ низшего звена (состоявших при штабах частей или возглавлявших их) могут служить подполковники ГШ А. Н. Сухомлинов и Ю. А. Сосновский, находившиеся в отряде генерала П. П. Карцова во время перехода через Траянов перевал на Балканах. На них было возложено изучение подъемов на Траянов и Розелитский перевалы. В конце ноября - начале декабря офицеры изучили оба перевала, после чего составили план перехода через Траянов перевал, так как Розелитский не был пригоден для этой цели²⁴. Сухомлиновым были составлены и отосланы в полевой штаб карты северного

подъема Траяновых проходов в районе Карнаре, Карлово и Калафаре²⁵. С созданием 20 декабря Троянского отряда Сосновский был назначен начальником его штаба, а Сухомлинов - офицером для поручений, и оба были посланы начальником отряда "озаботиться возможно большим сбором вьюков и воловых подвод для подъема орудий, и о вызове из деревень болгар для проложения пути и расчистки заносов", а также "озаботиться размещением войск"²⁶. Офицерам ГШ удалось выполнить задание во многом благодаря содействию игумена Троянского монастыря архимандрита Макария. Во время перехода войск через перевал особо отличился А. Н. Сухомлинов, командовавший одной из колонн. После взятия перевала в штаб Действующей армии с донесением об успехе был направлен Ю. А. Сосновский, который по возвращении, уже в начале января с саперной ротой и стрелковым батальоном обеспечил переправу войск через реку Марица²⁷. За переход через Балканы оба офицера были награждены орденами св. Георгия 4-й степени²⁸.

Что касается офицеров ГШ высшего звена, то среди них преобладали люди, как правило, малых знаний, нерешительные, слабо разбирающиеся в тактике и стратегии ведения войны, выдвинувшиеся на свои посты благодаря связям, интригам, происхождению. Таковыми, например, были: генерал-лейтенант ГШ К. Ф. Гершельман, начальник 24-й пехотной дивизии, прозванной "замерзшей", так как потеряла на Шипке за месяц 5 500 человек обмороженными и заболевшими, поскольку ее начальник не позаботился о переобмундировании только что прибывшей из России дивизии по зимнему образцу²⁹; это и "герои" Плевны - генералы П. Д. Зотов и Н. П. Криденер, а также генерал-майор ГШ А. К. Имеретинский, лишь номинально командовавший порученными ему отрядами при взятии Ловчи и осаде Плевны, но получивший два ордена св. Георгия за то, что на самом деле делали состоявшие под его командованием генерал-майоры ГШ В. М. Добровольский и М. Д. Скобелев.

Большинство из генштабистов высшего звена находились в составе полевого штаба, как, например, генерал-лейтенанты П. Д. Зотов, А. Э. Циммерман. Некоторые

стр. 145

из них возглавляли армейские корпуса: генерал-лейтенант Ф. Ф. Радецкий - 8-й, генерал-лейтенант Н. П. Криденер - 9-й, генерал-лейтенант П. Д. Зотов - 4-й до штурма Плевны 30 августа, после которого он был отстранен от командования и перемещен в штаб. Исключительно офицерами ГШ комплектовались должности начальников штабов корпусов: 4-го - полковник В. Ф. Новицкий; 7-го - генерал-майор Яновский; 8-го - полковник В. И. Дмитровский; 9-го - генерал-майор Н. Ф. Шнитников; 10-го - генерал-майор барон А. Б. Вревский; 11-го - полковник К. К. Бискупский; 12-го - полковник П. Г. Дукмасов (на этом посту его сменил генерал-майор А. И. Косич, а Дукмасов был назначен начальником штаба 13-го корпуса); 13-го - полковник Л. И. Ильяшевич; 14-го - полковник В. П. Акимов; Гренадерского корпуса - генерал-майор Мамыкин-Невструев³⁰.

В то же время проявился полководческий талант генерал-майора ГШ М. И. Драгомирова, командовавшего 14-й пехотной дивизией и принявшего с нею участие в переправе через Дунай и в боях за Шипку. Не меньшую известность получил

генерал-майор В. Д. Дандевилль, награжденный за переход через Балканы в составе Западного отряда орденом св. Георгия 4-й степени. Полками командовали офицеры ГШ полковник барон А. А. Бильдерлинг, находившийся со своим полком в составе Руцукского отряда, полковник М. Л. Духонин, генерал-майор В. Н. Лавров (убит под Горным Дубняком), полковник Ю. В. Любовицкий, произведенный за дело под Горным Дубняком в генерал-майоры, а за отличие при взятии Этрополя награжденный золотым оружием, полковник М. В. Лауниц; бригадами - генерал-майор В. Ф. Дерожинский, генерал-майор В. М. Добровольский, генерал-майор барон Л. Л. Зедделер (в бою под Горным Дубняком командовал средней колонной, был тяжело ранен), полковник Д. П. Дохтуров, генерал-майор М. Ф. Петрушевский, возглавивший после ранения М. И. Драгомирова 14-ю дивизию и с ней участвовавший в обороне Шипки, и другие.

Офицеры ГШ возглавляли работы по составлению карты Болгарии и Балканского полуострова. Приказом от 1 ноября 1876 г. при штабе Действующей армии был сформирован полевой Военно-топографический отдел в составе девятнадцати человек под начальством полковника ГШ Д. Д. Обломиевского и его помощника - капитана ГШ М. А. Савицкого³¹. Зимой 1876/77 г. в нем велась подготовка карт и планов к войне, нанесение на карты сведений о путях, населенных пунктах, о расположении, передвижении, численности турецких войск, полученных штаб-офицером над вожатыми, копирование и отсылка в войска планов турецких позиций и т. п. С началом военных действий для ведения топографических работ к штабу каждого корпуса было прикомандировано по два топографа. Специальные тригонометрические работы были поручены полковнику ГШ М. Н. Лебедеву. В июне 1877 г. была организована съемка Болгарии с центром в городе Систове, которую возглавил полковник ГШ А. Эрнефельт³². Однако в 1877 г. работы велись медленно, поскольку российские войска заняли лишь небольшую часть Болгарии, к тому же обильные дожди, снегопады и туманы в конце года мешали их проведению. В результате успехов армии зимой 1877/78 г. съемки активизировались, а после окончания боевых действий работы велись уже тремя партиями. В октябре 1877 г. место начальника Отдела занял Артамонов³³.

Для съемки были привлечены офицеры ГШ и строевые. В конце октября съемочные работы были завершены, а составленная пятиверстная карта Болгарии разослана в войска³⁴. К ноябрю Отделом были подготовлены карты средней части Болгарии, Румынии, Балканского и Шипкинских перевалов, Плевны, Адрианополя³⁵. Основная часть этих работ была закончена в конце 1879 года.

Еще одной областью деятельности офицеров ГШ было гражданское управление на освобожденной территории. В конце 1876 г. было создано управление гражданской частью при Главнокомандующем, которое возглавил князь В. А. Черкасский. Его помощником был назначен генерал-майор ГШ Анучин. После смерти князя в феврале 1878 г. Анучин занимал должность заведующего гражданскими делами в Болгарии вплоть до расформирования управления 8 мая 1878 года³⁶. Канцелярию заведующего возглавлял полковник ГШ Л. Н. Соболев, а в ее составе находились генерал-майор ГШ М. А. Домонтович и полковник ГШ Л. Н. Золотарев. В задачи управления входило "устройство порядка в тылу, прекращение разбоев и грабежей и охрана телеграфа"³⁷. Кроме того, на управление были возложены организация гражданской власти на освобождаемых территориях (для чего в качестве губернаторов использовались и офицеры ГШ. Например, полковник А. А. Шепелев занимал пост филиппопольского генерал-губернатора, полковник В. Г. Золотарев -

систовского и рушукского губернатора). На управление была также возложена забота о беженцах и раненых, обеспечение армии фуражом и продовольствием, подводами и т. п.

Важным, с политической точки зрения, шагом российского правительства было создание в конце 1876 г. Болгарского ополчения. Во главе его, с правами начальника,

стр. 146

подчиняющегося непосредственно начальнику штаба Действующей армии, был поставлен генерал-майор ГШ Н. Г. Столетов. Начальником штаба ополчения был назначен подполковник ГШ Е. Е. Рынкевич (после ранения его сменил на этой должности подполковник ГШ Ф. Э. Келлер). Ополчение приняло участие в обороне Шипкинского перевала, а также в переходе через Балканы³⁸. В дальнейшем оно стало основой вооруженных сил Болгарского княжества.

Во время войны российские офицеры ГШ исполняли также обязанности военных советников при армиях союзных России государств. Летом 1877 г. при румынской армии находился полковник Д. П. Дохтуров. Весной того же года для наблюдений за военными приготовлениями в Белград был направлен генерал-майор князь А. К. Имеретинский. Однако сербский князь Милан не торопился вступать в войну с Турцией, поэтому в июле Имеретинский был отозван, а на его место в августе того же года был направлен Бобриков. Он должен был ознакомиться с готовностью сербской армии к войне и попытаться склонить Милана к вступлению в войну с Турцией, обещая ему поддержку России и один миллион рублей³⁹. После долгих колебаний 1 декабря 1877 г. Сербия объявила войну Турции. Бобрикову принадлежала ведущая роль в планировании операций сербской армии. Здесь он сумел проявить себя как выдающийся военачальник. Успешные действия сербских войск отвлекли внимание софийской группировки турок и тем самым оказали существенную помощь отряду генерала И. В. Гурко при переходе через Балканы, а со взятием Ниша была достигнута главная цель сербского наступления - снята угроза флангу и тылу российской армии на константинопольском направлении⁴⁰.

В Черногорию в мае 1877 г. военным советником к князю Николаю был командирован полковник ГШ А. А. Боголюбов⁴¹. Он фактически являлся разработчиком планов наступления черногорских войск, а также руководил деятельностью российских солдат и офицеров-добровольцев в черногорской армии. Бывший в Черногории среди добровольцев доктор А. В. Щербак писал: "Боголюбов ... своим знанием дела, хладнокровием и настойчивостью производил нередко охлаждающее действие на пылкую натуру его светлости (князя Николая. - *О. Г.*). Несмотря на громадное самолюбие, князь только наружно не соглашался с мнением русского военного агента, в действительности же почти всегда следовал его указаниям"⁴².

На Малоазиатском театре войны деятельность офицеров ГШ носила тот же характер, что и на Балканах. Штаб Кавказской армии возглавил начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор ГШ П. П. Павлов. Офицеры штаба (как и штабов отдельных частей) занимались укомплектованием и передвижением войск, выбором

дорог, наведением мостов, фуражировкой, расквартированием войск, разведкой. Через штаб Кавказской армии проходили: переписка с начальником Главного штаба и военным министром о турецкой армии; переписка со штабом Действующей армии для координации действий; связь с командирами отрядов. В штаб (как и на Балканском театре военных действий) поступали оперативные донесения из штабов отрядов. Из штаба информация шла императору, военному министру, в Главный штаб, в штаб Кавказского военного округа и в штаб Действующей армии⁴³. Что касается отдельных офицеров ГШ, то из наиболее проявивших себя, можно выделить капитана (произведенного во время войны в подполковники) А. И. Домонтовича, состоявшего штаб-офицером для поручений при Эриванском отряде генерал-лейтенанта А. А. Тергукасова; генерал-майора СИ. Духовского - начальника штаба Кавказского отдельного корпуса, награжденного орденом св. Георгия 4-й степени за опасную рекогносцировку укреплений Ардагана; генерал-майора Д. В. Комарова, в начале войны командовавшего Кавказской гренадерской дивизией, перенесшего тяжелое ранение, тиф, но после болезни снова вставшего в строй в качестве начальника Кобулетского отряда; его брата, героя осады Карса - полковника К. В. Комарова; начальника Сухумского отдела генерал-майора П. П. Кравченко, выдержавшего с гарнизоном бомбардировку Сухума турецким флотом и задержавшего высадку турецкого десанта; получивших за участие в боях георгиевские кресты полковника Я. Д. Маламу, капитана Н. Я. Шнеура и других.

В апреле 1877 г. при Кавказском действующем корпусе был сформирован военно-топографический отряд под командованием начальника Кавказского Военно-топографического отдела генерал-майора ГШ И. И. Стебницкого. Съёмки были начаты сразу со вступлением российских войск в пределы Азиатской Турции в Ардаганском, Карском, Баязетском и Лазистанском санджаках, а в 1878 г. продолжались в Эрзерумском и Карском округах и Батумской области. Одновременно с топографическими велись астрономические и геодезические работы⁴⁴. В результате, карты Азиатской Турции были дополнены новыми данными: "Картографические работы на Кавказе ... велись с особым успехом под умелым руководством ... И. И. Стебницкого и не только представили множество картографических работ, равняющимся по своим достоин-

стр. 147

ствам работам лучших картографических заведений Европы, но и несколько трудов, имеющих высокое научное значение, как, например, карты Азиатской Турции"⁴⁵. В конце января 1878 г. между Россией и Турцией в Сан-Стефано были начаты мирные переговоры. Российскую сторону представляли Н. П. Игнатьев и А. И. Нелидов. 19 февраля был подписан прелиминарный договор⁴⁶.

Мирный конгресс открылся 1 июня 1878 г. в Берлине. Офицеры ГШ принимали участие в его работе и в последовавших разграничениях. Еще в мае 1878 г. на Берлинский конгресс в качестве помощников российских представителей были направлены полковники ГШ Бобриков и Боголюбов, как специалисты: первый - по Сербии, второй - по Черногории. В качестве специалиста по Болгарии в Берлин был послан генерал-лейтенант ГШ Д. Г. Анучин⁴⁷. Для определения границ новых государств конгрессом было принято решение о выделении комиссий: редакционной

и стратегического разграничения. Органом последней стала комиссия военных экспертов от всех стран-участниц конгресса, куда от России вошли Анучин, Бобриков и Боголюбов⁴⁸.

Для определения границ новых государств, создававшихся по решению конгресса, 22 июля были созданы специальные международные комиссии, в которые вошли и офицеры российского ГШ: в Болгарскую международную комиссию - полковник Боголюбов, в Восточно-Румелийскую - полковники В. Н. Филиппов, А. А. Шепелев и М. Э. Куммерау, в Сербскую - полковник А. В. Каульбарс, в Черногорскую - полковник Н. В. Каульбарс⁴⁹, в Малоазиатскую - генерал-майор И. И. Стебницкий и капитан Левашов, в Румынскую - подполковник Н. Н. Белявский. Для координации всех работ были назначены Бобриков с помощниками - капитанами ГШ Протопоповым и Экком⁵⁰. В основном, они занимались исследованием и съемкой пограничных территорий, определяя правильность проведения пограничных линий.

Примером работы военных экспертов может служить Малоазиатская комиссия. В августе 1878 г. она была разделена на две подкомиссии. Первая должна была вести разграничение от Черного моря до Меджингерта, а вторая - от Меджингерта до персидской границы. В первую комиссию делегатом был назначен И. И. Стебницкий, а его помощником - Левашов. Во вторую - полковник ГШ Я. Д. Малама, а в помощь ему - геодезист подполковник ГШ П. П. Кульберг. Обе комиссии действовали до 1880 года. Во время работ заболел Стебницкий, и общая координация работ была временно возложена на военного агента в Константинополе генерал-майора ГШ А. С. Зелёного. В комиссии же Стебницкого заменял подполковник ГШ Веригин⁵¹.

Таким образом, офицеры ГШ сыграли значительную роль в ходе русско-турецкой войны 1877 - 1878 годов. Можно утверждать, что успехи и неудачи российской армии во многом зависели от качества работы генштабистов, являвшихся элитой российского офицерского корпуса. На них возлагалась одна из важнейших функций - военное руководство и планирование. Своими неудачами российская армия была во многом обязана высшим военным чинам, среди которых было немало офицеров ГШ. Война наглядно показала результаты реформ 1860 - 1870-х годов в Академии ГШ и в Главном штабе. Большая часть военных руководителей, окончивших Академию до реформ, отличалась плохой подготовкой к занятию должностей по ГШ, косностью мышления, слабым пониманием новых условий ведения войны. Не удивительно, что работа штаба Действующей армии, возглавляемого такими людьми, как А. А. Непокойчицкий, К. В. Левицкий, вызывала в течение всей кампании множество нареканий. Этому способствовала и личность Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича - человека, слабо разбиравшегося в военных вопросах, но от которого зависело распределение мест в штабе.

С лучшей стороны проявили себя многие офицеры, окончившие Академию в 1860 - 1870-е годы. Подводя итог, можно сказать, что в целом корпус офицеров российского ГШ проявил себя в войне с Турцией 1877 - 1878 гг. с лучшей стороны, во многом определив успех армий России и ее союзников.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 485, д. 766,

л. 1.

2. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы, т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия: 1875 - 1877, 1961, с. 443.

3. БОБРИКОВ Г. И. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. Русская старина, 1913, т. 153, кн. 2, с. 290.

4. РГВИА, ф. 485, д. 766, л. 1 - 2.

5. Освобождение Болгарии от турецкого ига, с. 529, 519.

6. БОЧКАРЕВА СИ. Русско-сербские отношения в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX века. - Советское славяноведение, 1977, N 4, с. 46; ПАРЕНСОВ П. Д. Из прошлого.

стр. 148

(Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877 - 1878 гг.). - Русская старина, 1899, т. 97, N 2, с. 340 - 341.

7. РГВИА, ф. 485, д. 604, л. 4.

8. ПАРЕНСОВ П. Д. Ук. соч., кн. 1, с. 121.

9. Военная энциклопедия. Т. 16. СПб. 1913, с. 516.

10. ГАЗЕНКАМППФ^М. Мой дневник 1877 - 78 гг. СПб. 1908.

11. ПУЗЫРЕВСКИЙ А. Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877 - 1878 годов в Европейской Турции. - Военный сборник, 1879, т. 125, N 1, с. 160.

12. ПАРЕНСОВ П. Д. Ук. соч., кн. 1, с. 126.

13. ГОРАНОВ П., СПАСОВ Л. Участие болгарских патриотов в русской разведке в период освободительной войны. В кн.: Незабываемый подвиг. Некоторые аспекты русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. и освобождения Болгарии от османского ига. Львов. 1980, с. 44.

14. РГВИА, ф. 485, д. 1162, л. 1.

15. УЛУНЯН А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877 - 1878 гг., М. 1971, с. 39.

16. РГВИА, ф. 485, д. 1162, л. 10, 6, 7.
17. КОСЕВ К., ДОЙНОВ С. Освободителната война 1877 - 1878 и българската национална революция. София. 1988; ТОДОРОВ Г. Д. Ролята на българите в руското разузнаване през освободителната руско-турска война (1877 - 1878). Т. 9. София. 1960, с. 3 - 565.
18. ДЖАМБАЗОВ П., ДЖАМБАЗОВА Т. Справочные документы русской армии по Болгарии в период русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. - Военно-исторический журнал, 1978, N 3, с. 100 - 101.
19. БЕЛЯЕВ Н. И. Русско-турецкая война 1877 - 1878 гг. М. 1956, с. 67.
20. РГВИА, ф. 485, д. 1224.
21. БЕЛЯЕВ Н. И. Ук. соч., с. 68 - 70.
22. АЙРАПЕТОВ О. Р. Забытая карьера "русского Мольтке". Николай Николаевич Обручев (1830 - 1904). СПб. 1998.
23. МЕГРЕЛИДЗЕ Ш. В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. Тбилиси. 1972, с. 132 - 133.
24. КАРПОВ П. Троянов перевал. - Русский вестник, 1888, т. 194, N 1, с. 76 - 79.
25. РГВИА, ф. 485, д. 423.
26. КАРЦОВ П. Ук. соч., с. 82.
27. Там же, с. 98, 178.
28. Военный сборник, 1878, т. 124, N 12, с. 348.
29. Русско-турецкая война 1877 - 1878. М. 1977, с. 129 - 130.
30. РГВИА, ф. 485, д. 841.
31. Там же, д. 53, л. 1.
32. ЭРНЕФЕЛЬТ А. Астрономические, геодезические и топографические работы на Балканском полуострове в 1877 - 79 годах. - Известия Русского географического общества, 1880, т. 16, с. 381.
33. СТАРОДЫМОВ Н. А. Отважный разведчик Николай Артамонов задолго до войны сформировал разведывательную сеть в Турции. - Военно-исторический

журнал, 2001, N 10, с. 49.

34. ГЛУШКОВ В. В., ДОЛГОВ Е. И. О топографических работах в период русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. - Геодезия и картография, 1998, N 4, с. 58.

35. РГВИА, ф. 485, д. 53, л. 15.

36. АНУЧИН Д. Г. Князь Черкасский и гражданское управление в Болгарии 1877 - 1878 гг. - Русская старина, 1895, т. 83, кн. 2, с. 1 - 34; кн. 3, с. 1 - 27; кн. 4, с. 43 - 55; кн. 5, с. 1 - 36; т. 84, кн. 8, с. 41 - 69; кн. 9, с. 53 - 104; кн. 10, с. 1 - 32; кн. 11, с. 47 - 67; кн. 12, с. 1 - 50; 1896, т. 85, кн. 1, с. 55 - 78; кн. 2, с. 285 - 313; кн. 3, с. 449 - 470; т. 86, кн. 5, с. 225 - 266; т. 87, кн. 7, с. 45 - 81.

37. АНУЧИН Д. Г. Тырново и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний. - Вестник Европы, 1893, т. 5, кн. 10, с. 624.

38. Подробнее см.: ВЪЛКОВ Г. Българското опълчение. Формиране, бойно използване и историческа съдба. София. 1983; ОВСЯНЫЙ Н. Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877 - 78 - 79 гг. СПб. 1904.

39. БОБРИКОВ Г. И. Ук. соч., кн. 3, с. 254 - 255.

40. Русско-турецкая война 1877 - 1878. М. 1977, с. 187 - 188.

41. РГВИА, ф. 485, д. 571, л. 3.

42. Русско-турецкая война 1877 - 1878, с. 193 - 194.

43. РГВИА, ф. 485, д. 88 - 145.

44. ДАНЦИГ Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М. 1973, с. 314 - 315.

45. СЕМЁНОВ П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества 1845 - 1895: В 3 ч. СПб. 1896, ч. 2, с. 855.

46. ИГНАТЬЕВ Н. П. Сан-Стефано. Пг. 1916.

47. ЧЕРНОВ С. Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875 - 1878 гг. М. 1984. с. 100.

48. БОБРИКОВ Г. Воспоминания о Берлинском конгрессе. Русский вестник. 1889, т. 205, N 12, с. 15.

49. РГВИА, ф. 401, оп. 3, д. 39.

50. БОБРИКОВ Г. Воспоминания о Берлинском конгрессе, с. 488.

51. РГВИА, ф. 401, оп. 3, д. 55, л. 23.

стр. 149

постоянный адрес статьи: <http://ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=10027066>

©2008 [East View Information Services, Inc](#) | [Условия использования](#)